

из различающихся схем действия путем их интерференции; 2) проецирование его на эталонную систему знания, ранее сформировавшуюся и относительно проверенную; 3) включение во внешнюю предметную деятельность в форме цели, вынесение его (субъективно) во внешний мир. Выполнение этих условий означает, что онтологизированный операционный инвариант совершается как интегральное свойство взаимоположения субъекта и объекта²⁵.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ВОЕННАЯ НАУКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. С. Луньков

*кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии
Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург*

Согласно современным представлениям в области истории и философии науки в конце XIX – начале XX вв. произошел переход от классической к неклассической науке. Это было связано со сменой научной парадигмы, а именно с появлением новых философских оснований науки, прежде всего онтологических и гносеологических. Наиболее ярко это проявилось в области естествознания, но и науки социально-гуманитарного цикла не остались без изменений. Поэтому актуальным представляется вопрос о том, достигла ли военная наука неклассического этапа в своем развитии и насколько вообще к данной области человеческой мысли применимы стандартные подходы к периодизации науки.

На наш взгляд для решения поставленного вопроса, прежде всего, необходимо определить содержание понятия «военная наука». Согласно современным взглядам военная наука – это «система знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы <...> Основным предметом военной науки является вооруженная борьба в войне»²⁶. Подобный подход формировался долгое время, однако корни современных представлений о военной науке следует искать в начале XX в. Именно тогда были сделаны первые попытки определить место военной науки в ряду остальных наук и проанализировать ее взаимодействие с ними.

²⁵ См. подробнее: Пивоваров Д. В. Проблема онтологизации субъективного познавательного образа в философии материализма // Эпистемы. Вып. 8. Проблемы современной онтологии. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2013. С. 62.

²⁶ Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 181.

В русской военно-теоретической мысли это началось с понимания военной науки как части социологии, что было зафиксировано в главном военном энциклопедическом издании того периода и была начата институционализация этого подхода в военном образовании. Первая Мировая война и революция 1917 г. помешали этому. Знаменитая «Военная энциклопедия» издательства И. Д. Сытина определяла военную науку следующим образом: «Военная наука занимается всесторонним исследованием войны. Она изучает: 1) явления в жизни обществ и 2) силы, средства и способы для ведения борьбы. Первая область исследований входит в социальную динамику, вторая – технически военная, теория военного искусства»²⁷. Именно рассмотрение войны как социального феномена и отнесение военных дисциплин к сфере социологии стало одним из первых признаков неклассического этапа развития военной науки. Из этого вытекает целый ряд важных следствий. Во-первых, военная наука стала занимать определенное место в кругу других наук. До этого периода существовало серьезное неприятие между представителями военных и гражданских наук, институционализированное в образовании и зафиксированное в ценностных установках ученых. С точки зрения гражданских ученых изучение войны способствовало развитию военной сферы человеческой деятельности и, следовательно, развитию способов убийства и насилия. Позиции же военных теоретиков не были столь категоричными, однако непосредственная польза от взаимодействия военной науки с другими научными сферами редко высоко оценивалась. Исключение составляли математические и технические науки, которые были достаточно глубоко интегрированы в военное обучение и теоретические построения.

Внесение военной науки в область социологического знания было подготовлено взглядами русских военных мыслителей начиная с первой четверти XIX в. Например, И. Г. Бурцов еще в 1819 г. писал, что «политические науки <...> великое сходство имеют с военными»²⁸. Наиболее же ярко эта идея проявилась в трудах патриарха отечественной военной теории конца XIX в. Г. А. Леера. В одной из последних своих работ он писал «всего труднее ему [применению научного метода – А. Луньков] поддаются общественные науки, к разряду которых принадлежат и наши военные»²⁹. Подобные

²⁷ Военная энциклопедия в 18-ти т. / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. Т. 6. С. 476.

²⁸ Бурцов И. Г. Мысли о теории военных знаний. СПб., [не ранее 1818]. С. 9.

²⁹ Леер Г. А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1894. С. II.

взгляды резко меняли картину взаимодействия военной науки с социально-гуманитарным знанием. Успехи психологии и социологии были творчески использованы целым рядом русских военных ученых-энтузиастов, особенно после Русско-японской войны, когда начался систематический сбор и обработка фактов. Налаживается диалог между гражданскими и военными учеными, что, например, вылилось в совместную работу уже в эмиграции наиболее видного русского социолога первой половины XX в. П. А. Сорокина и Н. Н. Головина – известного русского военного теоретика и создателя военной социологии, что было отмечено в предисловии книги последнего «Наука о войне. О социологическом изучении войны»³⁰.

Однако уже на данном этапе выявились определенные трудности новых военных дисциплин, прежде всего методологического характера. Уже упомянутая «Военная энциклопедия» издательства И. Д. Сытина писала следующее: «Военная наука, как одна из отраслей самой высшей и самой сложной области человеческого знания, социологии, подобно последней, не может претендовать на такое совершенство, каким отличаются науки о природе; социальные явления значительно сложнее явлений физического характера, так как, кроме влияния внешней природы на человека и его общественность, надо принимать во внимание и психические данные. Социология не может производить опыты; она принуждена пользоваться мировым опытом, занесенным на страницы истории, и изучением того, что совершается на наших глазах. Таким образом, социология может делать выводы и проверять их только посредством применения критико-исторического метода»³¹. Сложилась довольно интересная ситуация – как социология, так и военная наука должны были стремиться к идеалу естествознания, что было постулировано еще О. Контом в середине XIX в. Однако эксперимент как основа методологии оказался им не доступен по целому ряду причин, восходящих к онтологическим характеристикам объекта исследования. Выход для представителей военной науки был очевиден – обращение к военной истории и критико-историческому методу исследования. История военного искусства и история войн очень древняя часть военной науки и за столетия там были наработаны разнообразные приемы и методы получения знаний. Оставалось приспособить их к новым задачам. О возможности этого писали многие русские и европейские военные теоретики еще с середины XIX в. Например, Г. А. Леер писал, что «законы военного искусства

³⁰ Головин Н. Н. Наука о войне. О Социологическом изучении войны // Головин Н. Н. Наука о войне: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 25.

³¹ Военная энциклопедия в 18-ти т. / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. Т. 6. С. 476.

должны быть взяты из жизни, выведены из истории путем отвлечения общих признаков от частных явлений»³².

Более пристальное внимание к историко-критическому методу и фактам военной истории вообще выявило ряд неустранимых препятствий. Оказалось, что в данных военной истории очень часто не было специфической информации, необходимой социологии. На это одним из первых указал П. А. Сорокин, когда подверг критике многочисленные попытки построить «тенденции динамики войн в истории человечества», одни из которых утверждали, что бремя войны увеличивается, другие же исследователи приходили к выводу, что давление войны на общество снижается. Описывая трудности изучения войн он подчеркивал, что очень часто у исследователей «отсутствуют необходимые данные, касающиеся масштабов военных сил, числа человеческих потерь с каждой стороны, пропорции числа воюющих ко всему населению страны»³³. Все утверждения о динамике войн в истории человечества в основном базировались на неполном, часто недостоверном и тенденциозном материале, предоставляемом военной историей. Тем более это становилось заметным, когда у исследователей не было практически никаких данных о численности, составе и структуре тех или иных обществ, давление войны на которые предполагалось изучать. Последовательное применение П. А. Сорокиным более объективных методов исследования привели к созданию картины динамики войн без ярко выраженных тенденций к увеличению или снижению тягот войны. «Наше исследование не обнаруживает наличия какой бы то ни было устойчивой тенденции (судя по относительным показателям) в течении всех рассматриваемых столетий»³⁴. Другой трудностью методологического характера, связанной с предыдущей, по мнению П. А. Сорокина была невозможность «сделать “точный перевод” на чисто количественный язык любого явления, которое является качественно-количественным. А большая часть социокультурных явлений, в том числе таких, как войны и революции, обладают именно этим свойством»³⁵.

Кроме этого, материал военной истории содержал крайне мало данных психологического плана. Особенно это касалось психологии масс. Даже в среде военных ученых и просто командного состава часто бытовали совершенно неверные представления о психологии боя и психологии солдата в бою, что ярко проявилось в ходе Русско-японской войны. Устранять этот недостаток пришлось уже после

³² Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. Часть I. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. С. XV.

³³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 680.

³⁴ Там же. С. 703.

³⁵ Там же. С. 681.

проигранной войны, когда делались серьезные усилия по сбору, систематизации и анализу фактов военно-психологического характера и разработке новых программ обучения командного состава. Одним из первопроходцев в этой научной области был отечественный военный мыслитель Н. Н. Головин. В своей диссертации 1907 г. «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» он делает фундаментальное для всего военного искусства заключение: «Каждый бой кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон»³⁶ и отказ этот имеет психологическую природу. Тот факт, что этот вывод целиком основан на исследовании в области военной психологии показывает, что развитие данной науки жизненно необходимо для развития военного искусства. Этот тезис важен еще и тем, что он открывает дорогу новым формам и методам ведения войны, ведь заставить противника отказаться от продолжения боя можно не только «классическим» способом причинения ему потерь, ведущих к психологическому надлому и отказу от продолжения боя. Возможны и иные способы психологического давления на врага. Современная наука разработала целый ряд технологий так называемого «нелетального оружия», которое посредством различных физических эффектов воздействует на человека и вызывает у него нужные психологические реакции. Кроме этого, незнание психологии масс вызвало огромные проблемы во время Первой Мировой войны, что привело к большим жертвам в первый период войны и катастрофическим экономическим потерям. Формирование массовой армии жестко поставило задачу разработки методов воспитания солдата за короткий срок, решена которая, в достаточной мере, была только после Второй Мировой войны.

Кроме того, использование военной истории как основы методологии военной науки привело к обострению принципиально из военного знания неустранимого гносеологического противоречия, которое выражается расхожей фразой, что «генералы всегда готовятся к прошедшей войне». И действительно, опора на опыт предыдущей войны, его исследование, дает большой массив знаний, который затем реализуется в уставах, принципах и методах обучения войск, в политике военного строительства и т. д. История XX в. показала, что каждая следующая война будет носить иной характер, зачастую принципиально иной, нежели война уже прошедшая. И это противоречие не снимаемо в рамках классического подхода. В конце XIX – начале XX вв. существовало

³⁶ Головин Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца // Головин Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. Книга 2. Статьи и письма. М.: ВАГШ РФ, 1995. С. 165.

две возможности выхода из этого методологического затруднения. Оба этих варианта лежали в рамках неклассической научной парадигмы.

Прежде всего, следует проанализировать влияние диалектики Г. Гегеля и особенно К. Маркса и Ф. Энгельса на формирование новой методологии военной науки. Наиболее ярко этот подход проявился в так называемом марксистско-ленинском учении о войне и армии, сформировавшемся в рамках советской военной науки. Центральным звеном ее методологии становится диалектический материализм. Рассмотрение феномена войны с позиции диалектического метода стало продуктивно в связи с тем, что научно-техническая революция привела к революции в военном деле, которая произошла во второй половине XX в. после изобретения ядерного оружия. Война стала пониматься как развивающееся социальное явление, движущей силой которого являются диалектические противоречия между противоборствующими сторонами, между социальными структурами мирного и военного времени и т. д. «С появлением ракетно-ядерного оружия боевая мощь войск колоссально возросла. И возросла не только в тактическом масштабе, как при переходе от холодного оружия к огнестрельному, и не только в масштабе оперативном, как это произошло при механизации и моторизации вооруженных сил, а прежде всего и главным образом в масштабе стратегическом»³⁷. От решения конкретного командира в большей, чем раньше, степени стал зависеть ход и исход войны. Поэтому в сферу научной деятельности включается и деятельность военачальника по анализу обстановки. Этот анализ должен следовать нескольким принципам, заложенным в методологии диалектического материализма. Прежде всего, это принципы объективности, всесторонности и развития. Особенно важно соблюдение последнего принципа, так как война и бой это развивающиеся объекты, от правильного понимания которых зависит исход боя и войны. «Задача военной науки — раскрыть характер и закономерности будущей войны. Решить ее нельзя только на основе обобщения прошлой и настоящей практики военного дела — необходимо познать тенденции его развития и с максимально возможной точностью и полнотой предвидеть будущее. Серьезные препятствия в развитии военной науки создает также неизбежная ограниченность практики военного дела в мирное время»³⁸. Так как, исходя из позиции диалектического материализма, критерием истинности военного знания может быть только практика, то большое значение придавалось военной практике мирного времени. Однако, существовало четкое

³⁷ Методологические проблемы военной теории и практики. М.: Воениздат, 1966. С. 69.

³⁸ Там же. С. 173.

понимание того, что «только в войне, прежде всего в вооруженной борьбе, проверяется истинность положений военной науки»³⁹.

Важным аспектом развития методологической базы военной науки стало также увеличение масштабов военно-научных исследований. К середине XX в. появляется своего рода «большая военная наука». Это выразилось не только в повышении количественных показателей военной науки, но и формировании представления о военно-научном потенциале страны. Под этим понятием подразумевалась «способность и готовность науки эффективно участвовать в решении задач укрепления военной мощи государства <...> Понятие “военно-научный потенциал” включает не только какие-то отдельные отрасли науки, а все научное знание, совокупную науку»⁴⁰. Впервые наиболее остро проблема взаимодействия науки и военного дела встала в период Первой Мировой войны. После ее окончания в большинстве ведущих стран мира взаимодействие науки и военного дела было закреплено институционально в законодательстве и различных социальных институтах. «Наука становится фактором достижения победы над врагом»⁴¹. Таким образом, военная наука получила доступ к практически любым достижениям гражданских научных дисциплин, в том числе в сфере методологии, и сама стала источником нововведений. Не секрет, что компьютер, кардинально изменивший методологическую базу науки, был создан для военных нужд.

Другим неклассическим подходом было использование методологии социологии и психологии в военной науке. Опора в этом случае шла на классический позитивизм О. Конта и его последователей и теоретиков социологии конца XIX – начала XX вв., таких как Э. Дюркгейм, Ф. Парето, Дж. Ст. Милль и Г. Спенсер. Данный подход в России активно развивался до революции 1917 года, а после нее переместился в Европу вместе с эмигрировавшими учеными. Примечателен факт, что именно разработки русских военных социологов и психологов, сделанные в эмиграции, послужили основой для развития данных дисциплин в Европе. Основой этого методологического подхода было отнесение войны к разряду социальных феноменов с одной стороны, и, с другой стороны, признание основой социальных процессов психических факторов. В этом были единодушны как гражданские социологи и психологи, так и военные мыслители. Например, Н. Н. Головин еще 1907 г. писал, что «явления общественной

³⁹ Там же. С. 181.

⁴⁰ Война и армия. Философско-социологический очерк / под ред. Д. А. Волкогонова, А. С. Миловидова и С. А. Тюшкевича. М.: Воениздат, 1977. С. 207.

⁴¹ Там же. С. 210.

жизни непосредственно связаны с явлениями духовной жизни»⁴². С этим согласен и П. А. Сорокин, который в своей работе 1914 г. утверждал, что «социальное явление есть связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы»⁴³.

Использование методов психологии и социологии для изучения военных явлений позволяет решить целый ряд проблем военной науки: влияние структуры общества и взаимоотношений между социальными группами на войну; изменение динамики развития общества и отдельных социальных групп под действием войны; роль различных социальных факторов (религиозных, политических, нравственных, культурных, цивилизационных) на ход и исход военных действий⁴⁴. Был сделан целый ряд попыток реализации этого замысла, в результате которых часто делались противоположные выводы о роли войны в истории общества. С точки зрения П. А. Сорокина, влияние войны на общество носит исключительно негативный характер. Война «полностью деформирует поведение, переживания и поступки, как самих воюющих армий, так и гражданского населения»⁴⁵. Война уничтожает наиболее лучших представителей общества, под которыми Сорокин понимает «а) биологически – более здоровые, б) энергетически – более трудоспособные, с) социально – более моральные, d) психически – более волевые, более талантливые, более одаренные и развитые интеллектуально»⁴⁶. Военные авторы не так категорично оценивали влияние войны на общество по результатам конкретных исследований. Ими была отмечена и прогрессивная роль войны в ряде исторических ситуаций и безусловная необходимость развития военного дела и военной науки для защиты государства и общества от внешних посягательств. Более общие выводы делались о роли войны при переходе от естественного отбора к социальному подбору как основному механизму формирования социальных групп. «Этот подбор выражается, прежде всего, в соединении людей, одинаково думающих, одинаково верующих, совместно

⁴² Головин Н. Н. Исследование боя. С. 19.

⁴³ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. С. 90.

⁴⁴ См. подробнее: Корф Н. А. Общее введение в стратегию: Этюды по философии военных наук. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С. 64–66.

⁴⁵ Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVC, 2003. С. 572.

⁴⁶ Там же. С. 557.

заинтересованных, а потому вместе работающих и борющихся с теми, кто им мешает»⁴⁷.

Оба этих методологических подхода сформировали современную методологическую базу военной науки. Была решена и проблема эксперимента в военной науке, правда это решение не всегда четко рефлексивируется военными деятелями. На наш взгляд в методологическом отношении произошло изменение смысла понятия «эксперимент в военной науке». От попыток буквального механического переноса эксперимента из области естествознания в область военной науки по большей части отказались. Безусловно, часть военных дисциплин технического плана (артиллерия, фортификация, оптика, баллистика, кораблестроение и т. д.) занимается проведением классических экспериментов. Но по своему содержанию и характеру они мало чем отличаются от соответствующих экспериментов в области механики, химии, гидро- и аэродинамики и т. д. Принципиально новым в военной науке стало представление об учениях и собственно войне как разновидности эксперимента.

Рассмотрим военные учения как метод научного исследования. Исторически учения являлись частью системы воспитания и обучения войск. Солдаты и офицеры отрабатывали приемы ведения боя, маневрирования на поле боя, отрабатывали слаженность действий и т. д. Чаще всего такое обучение основывалось на предыдущем опыте. Изменения в систему подготовки вносились, но долгое время это оставалось делом творчества и даже гения отдельных личностей, которые в итоге становились известными полководцами. Поэтому особенно в XIX в. военными теоретиками велась серьезная работа по формулировке общедоступных принципов ведения войны, освоить которого мог не только военных гений, но и обычный полководец. С повышением уровня военной образованности и особенно культуры штабной работы стал возможен следующий шаг – проведение учений как эксперимента по проверке гипотетического знания. Гипотетический характер этого военного знания состоял в том, что Генеральный штаб, как высший институт, в том числе и военной науки страны, вырабатывал представления о характере предстоящей войны, опираясь на разносторонние знания из области экономики, политики, социологии и т. д. То есть в данном случае мы видим попытки готовиться к войне предстоящей, а не к прошедшей. На учениях как раз отрабатывались новые приемы ведения боя, в результате чего делались далеко идущие выводы о необходимом направлении военного строительства, внешней и внутренней политики государства и т. д. Военное учение

⁴⁷ Головин Н. Н. Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни // Головин Н. Н. Наука о войне: избранные произведения. М.: Астрель, 2008. С. 148.

как метод исследования носит все основные черты эксперимента — помещение исследуемого объекта (или его части, которая моделирует весь объект) в контролируемую среду (географическую и нормативную, которая выражается в приказах и постановке учебных боевых задач подразделением), экстремальное воздействие на объект («тяжело в ученье, легко в бою», «обстановка, приближенная к боевой»), повторяемость эксперимента с любой другой частью единого объекта исследования в любых других условиях. Прошедшее проверку гипотетическое теоретическое военное знание затем институционализировалось в различных теоретических формах военно-научного знания (военная доктрина, концепция национальной безопасности, план ведения войны), которые в свою очередь жестко детерминировали все дальнейшее военное развитие государства и общества, то есть воплощались в практику.

Здесь следует заметить, что военное учение в методологическом отношении является экспериментом с моделью. Поэтому в полученном знании сохраняется больший или меньший элемент гипотетичности. Окончательную проверку военное знание проходит с помощью другого эксперимента, а именно войны. Этот факт не всегда четко рефлексируется военными и государственными деятелями, однако это следует осознавать, так как здесь методологические и аксиологические основания науки имеют наиболее прямую и прочную связь среди, наверно, всех остальных наук. Когда на карту поставлено выживание общества, а в современных условиях и сохранение жизни на Земле, следует предельно осторожно реализовывать военные эксперименты. В этой связи необходимо осветить ряд моментов.

Военный эксперимент, будь то учение или война, является экспериментом на людях в социальных условиях. Поэтому результаты, и даже сам факт проведения эксперимента необходимо влиять на социальную реальность и людей. Это предельно наглядная иллюстрация неклассичности современной военной науки. Даже проведение компьютерного (например, в случае с компьютерным экспериментом с ядерными взрывами) или другого методологически схожего эксперимента необратимо меняет социальную реальность, так как проводшая его сторона получает ничем не компенсированное военно-стратегическое преимущество, что побуждает другие стороны к подобным действиям и их эскалации под страхом уничтожения. Очень ярко подобная логика проявилась в ходе так называемой гонки вооружений между НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД). Учения институционализируют предстоящие конфликты, поэтому и являются одним из инструментов стратегического давления на потенциального противника. То же самое можно сказать и про войны

как таковые. Например, удачные для Пруссии Австро-прусская (1866) и Франко-прусская (1870–1871) войны во многом предопределили характер и содержание, а, также, состав участников Первой Мировой войны. Более свежий пример – проведение летом 2008 г. незадолго до конфликта в Южной Осетии учений российской армии «Кавказ–2008», которые начались одновременно с совместными учениями армий США и Грузии «Немедленный ответ–2008». На этих учениях в очередной раз были отработаны и институционализированы действия армий обеих сторон будущего конфликта.

Развитие технологий в XIX – XX вв. привело к тому, что войны стали испытывать тенденцию становиться тотальными, то есть захватывать в свою орбиту все силы общества. Поражение в такой войне вновь, как и во времена древности, могло привести к гибели социума. Теория тотальной войны была сформулирована в начале XX в. Э. фон Людендорфом после Первой Мировой войны и во многом легла в основы военного строительства в Европе и СССР перед Второй Мировой войной. Однако еще раньше, в середине XIX в., после Наполеоновских войн, когда стало очевидно серьезное пагубное воздействие больших войн на общество, родилась идея ограниченной войны. В плане военного искусства это должна была быть война, в которой ограниченная цель достигается без чрезвычайного напряжения всех сил общества. Впервые о такого рода войнах заговорили еще классики военной мысли XIX в. К. фон Клаузевиц и Г. Жomini. Для методологической же основы военной науки эта концепция оказалась востребованной только в XX в. Оказалось очень заманчивым осуществить нечто среднее между учениями и большой войной для проверки своих теоретических построений. Между учениями даже в обстановке, максимально приближенной к боевой, и войной, пусть даже и ограниченной, есть принципиальная разница – на войне разрешено и даже предписано убивать (хотя были в истории военной науки XX в. были военные «учения», где допускалась смерть участников). Именно наличие на войне этого предельного основания позволяет наиболее точно проверить абстрактные теоретические военные положения. Начиная с 20-х гг. XX в. практически все малые войны и конфликты по всему миру стали ареной для испытаний военной техники ведущих держав и лабораторией по отработке новейших методов ведения войны.

Таким образом, в методологическом отношении переход военной науки от классического периода своего развития к неклассическому произошел в конце XIX – начале XX в., что вполне соответствует общей тенденции в истории науки. Этот переход выражался в признании военной науки частью социальных наук,

главным объектом изучения которой является война как социальный феномен. Соответственно в военных исследованиях начинает использоваться методология социологии, психологии и статистики, диалектический метод, психоанализ и другие неклассические методологии социально-гуманитарных наук. Вместе с этим, учения и войны начинают рассматриваться как формы эксперимента, выполняющие две основных функции – предоставляющие данные о феномене войны как таковой и подтверждающие или опровергающие теоретические формы военных знаний, такие как военные доктрины, концепции и планы ведения войны.

СТРУКТУРЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЪЕКТЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

В этой статье хотелось бы озвучить некоторые свои размышления, которые являются попыткой связать некоторые проблемы, обсуждаемые в области философии науки с размышлениями Мартина Хайдеггера в отношении научного знания. На наш взгляд, хайдеггеровская трактовка научного знания как возникающего и существующего на основе субъект-объектной модели является достаточно глубокой и продуктивной по сути, но, в тоже время, она имеет определенные недостатки. В частности, она имеет достаточно общий характер для того, чтобы ее можно было бы использовать в области эпистемологии. Данные размышления в некотором смысле представляют попытку выстроить необходимые связи между общефилософскими размышлениями Мартина Хайдеггера и конкретными проблемами эпистемологии.

Здесь необходимо обратить внимание на особенности современного научного знания, позволяющие, на наш взгляд, выявить сущностные черты науки в целом. Одна из важнейших черт современной неклассической науки очевидно заключается в том, что меняется статус и способ существования объекта научного знания. Гастон Башляр в своих работах фиксирует это как переход от реализма к рационализму. Классическая наука, по мнению Г. Башляра, для описания объектов использовала такие характеристики, которые можно назвать реалистическими.